

А.В. Белов*

**ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПАРАДОКСА:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ И АГРАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ
СРЕДНЕРУССКОГО ГОРОДА
В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-1
УДК 94:332(470)"17"*Выходные данные для цитирования:**Белов А.В. Относительность парадокса: экономический строй и аграрный промысел среднерусского города в середине и второй половине XVIII века // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 13–25.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-01.pdf>*

A.V. Belov*

**THE RELATIVITY OF THE PARADOX:
THE ECONOMIC SYSTEM AND AGRICULTURAL INDUSTRY
OF THE CENTRAL RUSSIAN CITY
IN THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-1

*How to cite:**Belov A.V. The Relativity of the Paradox: The Economic System and Agricultural Industry of the Central Russian City in the Middle and Second Half of the 18th Century // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 13–25.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-01.pdf>]*

Abstract. The inhabitants of the Russian city in the middle and second half of the 18th century were actively engaged in various forms of agriculture. Scientists who study the city's economy (including agriculture) primarily pay attention to vegetable gardens and orchards. However, the inhabitants of the Russian city of that time, even in Central Russia, had large agricultural territories at their disposal. Using these lands, they were partly engaged in the cultivation of bread. This contradicts traditional ideas about the nature of the city's economy. Based on a wide range of sources, first introduced into scientific circulation, the author analyzes this form of economic activity of city residents in its various manifestations. It shows to what extent, in what form and for what reason the land trade has spread in the city. The author describes specific cities in Central Russia, the inhabitants of which were most actively engaged in agriculture. Special attention has been paid to the structure of urban society and the organization of urban space. The question has been raised about the contradictory nature of this phenomenon, which was generated both by the presence of certain social forms and remnants, and by the need to solve pressing problems. An assessment is given of the peculiarities of the development of the urban market and craft production, the compatibility of trade, agricultural and other forms of activity of merchants, philistinism, as well as communities of suburban settlements. Particular attention is paid to the participation of the city church in this process.

Keywords: Russian city, pre-reformation city, urban functions, agricultural industry, Central Russia, Kaluga province, Moscow province.

The article has been received by the editor on 09.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Алексей Викторович Белов**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: belovavhist@mail.ru

Alexey Viktorovich Belov, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: belovavhist@mail.ru

Аннотация. Для хозяйства жителей русского города середины и второй половины XVIII в. характерно обращение к различным формам сельскохозяйственной деятельности. При рассмотрении данного вопроса традиционно внимание обращается в первую очередь на огороды и сады. При этом население не только «подгородных» слобод на окраинах Европейской России, но и городов центральных губерний России обладало, как правило, большими земельными владениями (выгонами), активно практикуя все формы сельскохозяйственной деятельности, включая сюда и хлебопашество, что противоречит традиционным представлениям о характере городского хозяйства. На основании широкого круга источников, впервые вводимых в научный оборот, автор анализирует данную форму хозяйственной деятельности жителей городов в разных ее проявлениях, показывая в какой степени и по какой причине присущий городскому хозяйству земельный промысел получил свое распространение, какие городские поселения двух «коренных» губерний Центральной России – Калужской и Московской, по какой причине и в какой форме его поддерживали. Особое внимание уделено структуре городского общества этого времени и организации городского пространства. Поднимается вопрос о противоречивости данного явления, которое было порождено как наличием определенных социальных форм и пережитков, так и необходимостью решать насущные задачи. Дается оценка особенностей развития городского рынка и ремесленного производства, совместимости торговой, сельскохозяйственной и иных форм деятельности купечества, мещанства, а также общин подгородных слобод. Особое внимание уделяется участию в данном процессе городской церкви.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, городские функции, аграрный промысел, Центральная Россия, Калужская губерния, Московская губерния.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026 г.

Как в зарубежной¹, так и в отечественной² историографической традиции до сего дня присутствует устойчивое представление о том, что город выступает в исключительной роли центра ремесла и торговли. Тем самым делается вывод, что по природе своей город противоположен деревне и ее хозяйству, сконцентрированному на аграрном секторе. Все, что выходит за рамки данного представления, объявляется, как правило, проявлением неразвитости городского хозяйства, исторической ошибкой или парадоксом. Впрочем, насколько этот парадокс был действительно парадоксом? Исследователи обращали внимание на сельскохозяйственную составляющую городского хозяйства, но при этом по преимуществу опирались на отдельные формы (в первую очередь садоводство и огородничество³), «уводя за скобки» (часто вообще не упоминая) пашню, или же формировали типологию городов исходя из степени «преимущества» деятельности их жителей («преимущественно аграрного и преимущественно промышленно-торгового центра»)⁴. В итоге за пределами анализа остается вопрос о месте и роли аграрной деятельности в хозяйстве города, а также о причинах и обстоятельствах весьма устойчивого положения этого промысла, что априори объявлялось исторической ошибкой. С другой стороны, данная тема фиксировалась в рамках рассмотрения пространства города, его структуры, но и в этом случае она не требовала поиска объяснения данного аспекта. Он лишь отмечался через определенные образы (внимание уделялось, например, символической роли центрального места (площади

¹ Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М., 1967. С. 39.

² Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. М., 2006. С. 12–13.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 257–299.

⁴ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Л., 1990. С. 207.

и собора)⁵) или через функции, где основой опять же выступала торговля как результат хозяйственной деятельности города⁶.

В чем причина такого подхода? Оценивая и объясняя реальность давно ушедшей эпохи, исследователи последующих периодов неизбежно сравнивают ее со знакомыми формами, которые кажутся им незыблемыми, экстраполируя привычные критерии на прошлое. Мы привыкли к современному типу города. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении источники убывают (как по своей численности и полноте, так и по глубине и охвату проблем) в процессе погружения в прошлое. В итоге выводы могут строиться на неизбежно ограниченном круге материалов при узком угле обзора. В полной степени это относится к хозяйственной жизни города середины XVIII в. Относительность наших знаний о нем объясняется также и характером периода, который покоится на стыке двух исторических эпох, перемежая внутри себя разные процессы и признаки.

В связи с этим большой интерес представляют данные проводимых в середине и второй половине XVIII в. в бумагах генеральных межеваний. Помимо сугубо географических и топографических описаний, они содержат большой пласт различных сведений. Исследователи обращали внимание на данный комплекс, привлекая его для рассмотрения ряда тем (источниковедческих, социально-экономических, историко-географических⁷ и др.). Нам же он интересен в первую очередь своими «Экономическими примечаниями». Это относительно обширный круг статистических материалов в большей степени описательного характера, возникших в рамках единого и не столь протяженного исторического периода, охватывающего несколько смежных регионов. При этом до наших дней дошло сразу несколько вариантов «примечаний», в том числе черновых, исходных, не суммированных позже в виде общих выводов, а также выполненных на разных этапах работы в форме сменяющих друг друга развернутых характеристик. Благодаря этим обстоятельствам данный комплекс позволяет увидеть процесс не обобщенно, а в рамках региональной и исторической конкретики, а также в ходе своего развития. Более обстоятельный и разносторонний материал приходит в руки исследователю только с развитием земской статистики, оформившейся (да и то не везде) не ранее середины следующего – XIX столетия.

В данной работе внимание будет обращено на две нечерноземные, так называемые «коренные»⁸ губернии Центральной России (Московскую и Калужскую), формирующие ядро ее исторического каркаса. Объектом выступают будущие уездные центры губерний за исключением Москвы (которая хотя и была столичной, но также имела свой уезд), получившие свои описания в середине и второй половине XVIII в., предметом – особенности организации их хозяйственной деятельности, тесно связанной с «аграрными промыслами». В основу исследования положен принцип территориального разделения функций и тесно связанный с ним функционально-сетевой подход, разработанный автором данной статьи и положенный им в основу ряда своих работ, а также требования конкретно-исторического исследования.

«Населенность» большей части городов рассматриваемых административных территорий была невелика. Основная масса их жителей состояла из бывших посадских людей, численность которых колебалась от 326 чел. в «новоучрежденном» по острой необхо-

⁵ Герасимов М.В. Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 113–117. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Раздорский А.И. Пятая международная научная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках» [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 240–243. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-23.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Ломако Е.Л. Русский провинциальный город Екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. Коломна, 2013; Черненко Д.А., Хитров Д.А. Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в. [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 1–11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31587 (дата обращения 01.02.2026); Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

⁸ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 28.

димости из села Никитске, или древнем Звенигороде, который как город давно уже умер («всего на посадах 717»), до 2 625 чел. в торговом Дмитрове и 3 934 чел. в Боровске, вокруг которого успешно развивался ремесленный пригород. Основными сословными городскими группами здесь выступали купцы и мещане. При этом необходимо отметить то обстоятельство, что в составе купцов присутствовали в подавляющем числе представители низшей гильдии. Многие из них, по сути, сливались с мещанами во всех формах как повседневной жизни, так и хозяйственной деятельности. Исключение представляли общины лишь наиболее крупных центров с особенно активной хозяйственной жизнью. В первую очередь это Боровск, Калуга, Коломна и Серпухов. На каком-то этапе сюда можно было отнести еще Верею, Дмитров, Малоярославец и Козельск. Прочие же поселения и их «граждане» (если не брать в расчет такие совсем маленькие поселения, как Воротынский, Звенигород, Медынь, Никитск и Подольск) во многом были очень схожи друг с другом.

Кроме того, среди городского населения были лица из числа так называемых «преждебывших служилых людей» (городовые казаки, стрельцы и аналогичные им сословные категории). Наряду с ними при уездных центрах, выполнявших роль транспортных узлов, проживали ямщики, которые, впрочем, всегда старались держаться обособленно. Статистики второй половины XVIII в. даже предпочитали не вносить их в списки собственно горожан или делали это всегда с оговорками. В ряде случаев очень заметной частью от общего числа населения городов могли выступать представители духовенства, монахи, церковная прислуга. Имелись и дворяне, но редко численность этого привилегированного сословия достигала среди постоянного числа провинциальных городских жителей по-настоящему заметных величин.

В основу структуры пространства был положен принцип деления на несколько частей. Первая – это собственно «город» (т.е. крепость или занимаемое ею когда-то место). Второй – пригород (посады, находящиеся в непосредственной близости от этого «города»). Затем шло «предместие» – населенная и застроенная часть поселения, по сути бывший исторически устоявшийся городской посад. А также четвертая зона – территория городского выгона, земли которого принадлежали как собственно городской общине, так и отдельным, все еще состоящим при крепости-«городе» слободам. Чаще всего их жителями выступали бывшие служилые люди.

В ряде случаев число состоящих в «городской обмежеванной черте» слобод было достаточно велико. Больше всего их официально значилось за Дмитровом – девять⁹. В ходе городского развития середины и второй половины XVIII в. многие из этих уже откровенно архаических и переживших свой век территориально-сословных форм трансформировались в городские районы. Хотя некоторое отчуждение все еще наблюдалось, но уже далеко не повсеместно. Так, например, про казачьи слободы Можайска сообщалось, что «управляются они из их же выбираемыми погодно» лицами¹⁰.

Свое особое место занимала «писцовая церковная земля города», принадлежавшая монастырям и городским храмам. В ряде поселений таких участков в рамках выгона насчитывалось несколько десятков. Кроме того, упоминались и небольшие слободки крестьян, которые прежде состояли за монастырями, а иногда даже сохраняли свою к ним принадлежность. Типичный пример – «прежде бывшего Николаевского монастыря, что ныне экономического ведомства подмонастырской слободки», находившейся у окраин калужского города Перемышля¹¹.

У подавляющей части городов в рамках выгона присутствовали все пять форм хозяйственной земли: усадебная, пашня, сенной покос, лес и «неудобная». Городские луга и сенокосы были наиболее дорогими и самыми востребованными землями. По этой же причине они никогда не простаивали. По роду деятельности в первую очередь ямщики активно использовали свои выгоны. Но и луговая земля из состава посадского выгона также находилась

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 760. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Д. 773. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 485. Л. 1 об.

в эксплуатации. Описания всегда содержат обстоятельные данные о качестве получаемых с нее трав и сена. Особенно ценились заливные луга, причем в первую очередь с восточного (затапливаемого) берега.

Участки лугов могли принадлежать как всей городской общине, так и отдельным ее группам и даже семьям. Так, только у купечества Серпухова значилось 84 дес. Кроме того, и у кузнецов этого уездного центра имелось 7 дес. луговой земли. Жители владели сенокосами также и за пределами городской общины, на территории уезда. Например, у жителей Лихвина (лихвинцев) был отмечен «луг Обухов Михайлы Тимофеева сына Щербачева», – где, как было отмечено, «покосы лучшие»¹².

Покосами владели и органы местной власти. В частности, у канцелярии Дмитрова значилось полдесятины. Ей же принадлежала пустошь Беленицына с 6 дес. сенных лугов и 15 дес. пашни¹³. Много сенокосных лугов на территории городского выгона относилось к конкретным городским церквям. В целом удельная масса лугов среди городского выгона была очень высока. Так, например, выгонные земли Козельска насчитывали 4 301 дес. Из них луга составляли 20 % всей площади (790 дес.)¹⁴.

Говоря о «пашенной земле», необходимо отметить, что речь идет не о категории качества, а именно об участках, на которых выращивали хлеб. Пашни выступали непременным атрибутом городской земельной собственности. У большинства поселений присутствует указание – «жители довольствуются от хлебопашества». Так, про население подмосковного Никитска (326 чел.)¹⁵ в примечаниях отмечено: «Торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством, извозом в Москву, в оной даче ломка, с обделкою камня на месте, также жгут известь, отвозят на продажу в Москву»¹⁶. Соседний с ними город Подольск и его жители охарактеризованы так: «Торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством»¹⁷. К этой же категории относилась и калужская Медынь (558 чел.), и другие официальные городские поселения – центры соответствующих уездов.

Наибольшую активность в деле хлебопашества проявляли живущие в своих слободах «прежних служб служилые люди». В Можайске, где значилось четыре таких слободы, у каждой из них описана собственная пашенная земля, причем находившаяся в обработке. В отношении местных жителей источники сообщают: «Питаются от хлебопашества отмежованных за ними нижевнесенных [в данном описании] земель, малое число [жителей] нанимаются под извоз и другую черную работу»; имеют «всего 180 дес. пашни»; «земля качеством <...> к плодородию около Можайска из лучших, посеянный на ней хлеб, рожь, пшеница, овес, ячмень и прочая семена родятся в отменном изобилии...»¹⁸. Не отставал от Можайска и древний Волоколамск, при котором также имелась обширная «земля владения прежних служб пушкарских детей, состоящая в грацкой (т.е. городской. – А. Б.) округе в четырех местах принадлежащих к грацкой пушкарской слободе»¹⁹. Вся сумма этих наделов насчитывает 60 дес. только пашни. При этом особо отмечалось, что «жители оной слободы» свое «жительство имеют при городе». По сути, они уже и в территориальном, и в социальном отношении слились с населением посада, промышляя при этом исключительно «хлебопашеством», а также «некоторые извозом». Кроме того, при городе состояла еще одна слобода – «прежних служб казачьих детей», владеющих «в градской округе в трех местах» 569 дес. пашни²⁰, на которой успешно выращивались рожь и овес.

При этом Волоколамск являлся бесспорным торговым центром с сильным купечеством, причем в буквальном (а не условно-сословном) понимании этого термина. Об этом сооб-

¹² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454. Л. 245.

¹³ Там же Д. 756. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Д. 463. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Д. 779. Л. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 781. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 773. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 754. Л. 3 об.

²⁰ Там же. Д. 751. 1 об.

щают нам и его описания: «Жители того города большей частью купцы и имеют торг не в одном только своем городе, но и в других городах отправляют к С.-Петербургскому порту от Галицкой пристани водой хлеб, пеньку, сало и лен, а другая шерстяными шелковыми бумажными и мягкою рухлядью, холстом и прочим мелочным съестными припасами <...> Купеческие и мещанские дети в Москве принимаются в сидельцы и обучаются разным мастерством и рукоделиям»²¹.

При этом деловой настрой жителей Волоколамска давал себя знать. По крайней мере часть местных купцов арендовала выгонную землю, для обработки которой «особо» (специально) нанимали работников. «От коллегии отдается в оброк вообще с нижеописанными погостами Никольским Мокраго, Фрола и Лавра, Марьи Магдалины, Василия Кесарийского, Семи отроков и Жен Мироносиц по 17 руб. по 50 по 5 коп. в год волоколамскому купцу Василию Богатыреву, который и обрабатывает оный наемными людьми на себя»²². При этом тем же Богатыревым нанимались «в обработку» и земли, принадлежавшие городским церквям: «Лежит возле церковной земли Воскресенского собору [Волоколамска]. К плодородию изрядная <...> лучше родится рожь и овес <...> Отдается в оброк в год по 5 рублей по 30 копеек волоколамскому купцу Василию Богатыреву, который и обрабатывает наемными людьми на себя»²³.

Хлебопашество как часть хозяйства купеческого города фигурировало и в других местах. Так, в выгоне Рузы упомянута «купецкая пашенная земля». При этом особо отмечено как ее качество (признак востребованности) – «иловата и без доволнаго удабривания к плодородию неспособна», так и то, что эти участки «обрабатываются самими купцами»²⁴.

Для купцов Звенигорода, который стал в ходе губернской реформы Екатерины II одним из уездных центров Московской губернии только в связи с острой нехваткой претендентов на эту роль, хлебопашество являлось вообще главным промыслом. В выгонной земле города стояло «вымежеванной» без малого 700 дес. пашни. При этом жители, кроме того что пахали ее, также дополнительно еще и «нанимались в уезде у разных владельцев», у которых были свои земельные владения, где «землю пахут, хлеб сеют и тем большею частию прокормление [для себя] имеют»²⁵.

Свою роль в деле хлеборобства играла и церковь. Церковные владения, расположенные на городском выгоне, распахивались буквально все. Как мы уже видели, часто их брали в аренду местные городские купцы. Впрочем, и сами священники не чуждались рала и сохи. В Можайске значилась «церковная писцовая земля владения грацкой церкви Успения Богородицы состоящих в действительном служении священно и церковно служителей». От «города» (в данном случае имеется в виду – от крепости) участок находился всего на расстоянии одной версты. То есть, по сути, располагался в черте посада. В его границах числилось 10 дес. пашни и 1,4 дес. перелога, которые обрабатывали «все сами священно и церковнослужители»²⁶.

Основными культурами, выращиваемыми горожанами, были рожь и овес, которые всходили лучше всего. Кроме того, сеяли «пшеницу и прочие семена», но их урожайность характеризовалась как «средственная»²⁷. Встречался и ячмень.

Показательно, что хорошая земля, состоявшая в рамках «городской межи», всегда ценилась и не простаивала – жители распахивали даже старые кладбища. В описании непременно указывались хлеборобные качества городских погостов. Так, например, при характеристике Боровска обозначено пять кладбищ и особенно отмечено, что четыре из них стоят «на суходоле», где «земля глинистая, хлеб родится посредственно»²⁸.

²¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752. Л. 3 об.

²² Там же. Д. 754. Л. 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 785. Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 763. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Д. 773. Л. 14 об.

²⁷ Там же. Д. 754. Л. 3.

²⁸ Там же. Д. 454. Л. 120.

Особое место в хозяйстве города занимали «капустники» (огороды). Данный вид промысла был не просто важным, но неперенным атрибутом собственно городской жизни XVIII в., а также неотъемлемой частью хозяйственного уклада русского города не только в течение Средневековья, но и Нового времени.

Все усадьбы городов имели свои огороды. Составители описаний не считали даже нужным их фиксировать. Такое положение дел для них – привычная обыденная норма. Наличие огорода особо указывается только в том случае, когда возникали какие-либо проблемы с собственностью земли или же она отличалась качеством. Так, например, в отношении огородов Коломны указывается, что здесь «грунт земли глинистой, но по удобренности ее навозом» позволяет добиться хорошего овощного плодородия и выращивать «капусту, огурцы, картофель морковь, редьку, свеклу, горох, бобы и хрен»²⁹.

Огороды – очень частый элемент не только усадебных, но и выгонных территорий. При этом данный промысел был сориентирован на массовое торговое производство. Так, например, относительно хозяйственной занятости женщин Тарусы отмечалось, что они вяжут чулки, но занимаются этим лишь «сверх полевой работы»³⁰.

Огороды были буквально у всех: отдельных лиц, семей, приходских общин и, видимо, даже у местных органов власти. Так, внутри крепостного вала города Рузы при «воевоцкой канцелярии» находилось «деревянное собственное построение воевоцкая товарища коллежского асессора Зарина да разных чинов огороды»³¹. То же самое можно было увидеть внутри границ крепости Волоколамска, где располагались воеводская канцелярия, архив, соборная церковь «да разных чинов людей огороды, в которых родится одна капуста»³².

Внутри «замка» Дмитрова жители также содержали огороды, на которых выращивали капусту, огурцы, лук, чеснок, горох, бобы, репу и морковь «для собственного употребления». Особо подчеркнуто, что имелся «при огороде копанный пруд, которой никогда не высыхает»³³. Огороды – типичный атрибут и в Калужской губернии. Так, их возделывали многие жители Перемышля, у которых «урожай овощей хороший»³⁴, что означало его вывоз на рынок, причем не всегда только на внутренний.

Продукция городских «капустников» составляла важный предмет торговли, уходя, в том числе, далеко за пределы губернии. Это относилось к слободе «прежних служб пушкарей» Боровска, которым принадлежит почти 7,5 дес., т.е. 8 га³⁵. Если перевести это в привычные нам 6 дачных соток, получится примерно 133 участка. Кроме того, и «прочие жители» (как указывалось в характеристике их деятельности) «на огородах сажают разные овощи и отвозят для продажи в степные города и в случающиеся по близости ярмарки»³⁶. В подмосковном Можайске также выращивали «капусту и огурцы», отвозя их «в великом количестве <...> на продовольствие городских и уездных жителей», а также «для соседственных городов»³⁷. При этом городские огороды традиционно и полностью снабжали своей продукцией окрестные села, население которых (т.е. «природные крестьяне») своими силами «редко где огородные овощи в довольствии имеют, а более покупают их в городе»³⁸.

Что же выращивали на «капустниках»? При разборе текста десятков описаний хорошо заметно правило, согласно которому производимая сельскохозяйственная продукция перечисляется по степени ее востребованности. В огородах чаще всего садили капусту, огурцы, редьку, свеклу, морковь и горох³⁹. Также нередко упоминается лук. Присутствуют в описании брюква, бобы, репа, тыква, хрен, чеснок и даже «земляные яблоки» (картофель).

²⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 767. Л. 3 об.

³⁰ Там же. Д. 490. Л. 4.

³¹ Там же. Д. 785. Л. 1.

³² Там же. Д. 754. Л. 1.

³³ Там же. Д. 760. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 456. Л. 81.

³⁵ Там же. Д. 454. Л. 119 об.

³⁶ Там же. Л. 120 об.

³⁷ Там же. Д. 771. Л. 2 об.

³⁸ Там же. Д. 773. Л. 2–2 об.

³⁹ Там же. Д. 752. Л. 3 об.

При этом особое место неизменно занимало массовое выращивание именно капусты (у «разных чинов людей огороды», в которых «родится» «одна капуста»⁴⁰). Неслучайно этот овощ с древнейших времен использовался для обозначения самого огорода.

В описаниях городских земель неизменно присутствуют сады. Чаще всего они фигурируют только как атрибут (правда, неперенный) городской усадьбы. Так, например, при характеристике Можайска составители особо отметили, что «при каждом посадском дворе [имеются] сады»⁴¹. Вообще Можайск дает пример типичного русского города средней полосы России с присущими ему домашними усадебными садами. Размер их небольшой, а цель разведения преследовала не столько производство (хотя присутствовало и это), сколько создание и поддержание антуража, любимого атрибута повседневной жизни. Масштабных садов в Можайске не было вообще, а те, что были, «только небольшие у обывателей насажденные». Плоды с них употреблялись на «продовольствие самих хозяев, а некоторые продают, но очень мало»⁴². В каждом посадском дворе росли яблоневые деревья, красная и черная смородина, черемуха и рябина. Реже встречались груши, барбарис и крыжовник. И совсем эпизодически – вишневые и сливовые деревья, которые, «хотя где и есть, плодов по несоответствию климату почти не носят»⁴³.

Похожая ситуация наблюдалась и в Волоколамске, где сад с плодовыми деревьями стоял в самом центре города, непосредственно в пределах оплывших крепостных валов при воеводской канцелярии. Причем особо отмечалось, что выращенные с него яблоки «собираются <...> и употребляются»⁴⁴. В Дмитрове описан сад Борисоглебского монастыря, земли которого после секуляризации отошли к экономическому ведомству, фактически став частью «окружной межи» – экономической границы города.

Впрочем, в Московской губернии встречались и значительные сады, которые выполняли ярко выраженную производственную функцию. Так, например, при описании Серпухова упомянуто «садов плодovitых 20». Причем все они никак не были связаны с отдельными городскими усадьбами⁴⁵, что говорит о форме их хозяйственного использования.

Наиболее значительная садоводческая деятельность в рамках рассматриваемого региона отмечена в Коломне. В этом большом и активном городе не только были масштабные сады, но они еще и составляли часть большого, хорошо организованного и доходного промысла. «В сем городе разведены обширные сады с плодovitыми разными деревьями, жители из яблок, вишен, крыжовнику и смородины делают сахарную пастилу с отличным искусством и отправляют для продажи в Москву, в Санкт-Петербург и другие города»⁴⁶. С опорой на эту производственную базу в Коломне успешно развивался и промысел местной пастилы.

В документах также встречается указание на наличие в городах скотоводства и птицеводства. Однако применительно к рассматриваемым губерниям данная отрасль не имела не только значительного, но даже хоть сколь-нибудь заметного распространения. Это не означает, что местные жители не держали в своем хозяйстве домашнюю скотину и птицу. Слоняющиеся по улицам городов свиньи и коровы были обязательным и хорошо узнаваемым атрибутом городского пейзажа – настолько характерным, что попали даже на полотно картины М. Добужинского «Город в николаевское время», созданной в качестве наглядного учебного пособия для гимназий.

Живность, безнаказанно болтавшаяся и валявшаяся на улицах и площадях губернской Калуги (к тому же выполнявшей в 1770–1780-е годы роль не только губернского центра, но и генерал-губернаторской столицы!), воспринималась как само собой разумеющееся явление. По словам главы края тех лет М.Н. Кречетникова, «сие было в величайшей

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 773. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 2–2 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 754. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 786. Л. 1 об.

⁴⁶ Там же. Д. 767. Л. 3.

привычке»⁴⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась на рубеже XVIII–XIX вв. и в другом крупнейшем центре страны – Ярославле, где, по свидетельству документов местного магистрата, «от свиней народу, а паче молодым детям опасность велика есть»⁴⁸.

Однако такое положение дел было связано не с масштабом развития скотоводства среди горожан, а с их отношением к «питательному» потенциалу городского пространства. Обыватели, выражаясь языком отчета генерал-губернатора Калужского края М.П. Кречетникова, «пользовали»⁴⁹ пространство своего поселения для выпаса домашней живности. Во избежание дополнительных трат для этой цели в ход шло буквально всё – от заросших травой оврагов, ручьев и пустырей до обочин улиц и дорог. Такое положение дел (или точнее сказать – негласное правило) было характерно и для других городов, причем как в дореформенное, так и в пореформенное время, и даже в официально «столичной» Москве⁵⁰.

При этом в рамках уездных центров Московской и Калужской губерний вся имеющаяся во дворах живность содержалась только семьями и только для собственного употребления и, как правило, в небольшом числе. Экономические примечания сообщают, что в далеко не бедном Волоколамске местные жители «держат коров, а некоторые и овец, но токмо в малом количестве»⁵¹. В Клину «имеют для своего употребления» в домах коров, свиней, овец, коз, птиц, гусей, индеек, уток и кур. При этом чаще всего горожане содержали свиней⁵².

Соотнося исторический путь города и особенности его структуры, становится очевидным, что наличие угодий изначально было заложено в самой структуре поселения, сохранявшего черты предшествующего исторического периода. Данное обстоятельство поддерживало условия для наличия здесь сельскохозяйственных промыслов и не в последнюю очередь – хлеборобства. Такому положению дел способствовала и сохраняющаяся социальная структура, уже архаичная и пережившая свой век, но все еще устойчивая в силу традиции и слабых внутренних стимулов для активизации развития. Необходимость ее оптимизации под требования Нового времени (как и всего городского строя страны) была осмыслена и реализована в правление Екатерины II, что выразилось в городской (социальной) реформе и реформе города (преобразования его под требования исполнения роли административного центра).

Впрочем, необходимо отметить, что заинтересованное участие населения городов в сельскохозяйственной деятельности выступало далеко не только рудиментом, но и имело вполне рациональное содержание в рамках тех условий, в которых пребывала страна на данном историческом этапе. В связи с этими обстоятельствами развитие сельского хозяйства можно считать неизбежной составляющей городского хозяйства, обусловленной рядом фундаментальных причин.

Так, например, абсолютное господство личного гужевого транспорта делало неизбежным наличие в руках местных жителей обширных сенокосов. Причем подобного рода угодья должны были находиться в распоряжении не только всей городской общины, но и каждой отдельной семьи и учреждения, включая любую приходскую церковь. Раздача церквям луговых участков была (пользуясь современной терминологией) аналогом распределению талонов на бензин среди служебных машин. С той только разницей, что луг надо было косить самостоятельно.

Наличие пашен в стране, пребывавшей в состоянии неустойчивой продовольственной безопасности, было оправдано требованиями в буквальном смысле выживания. Причем выживания как важнейшего фактора национальной истории России, который во многом определял как бытие, так и сознание ее жителей. К сожалению, данный аспект не только мало изучен, но и не осмыслен. Наличие в хозяйстве семьи собственного хлеба (главного продукта питания!), а также возможность его вырастить усиливали гарантию наступления

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 729. Ч. III. Л. 76 об.

⁴⁸ Исторический очерк истории Ярославля, составленный действительным членом Ярославской ученой архивной комиссии И. Барщевским // История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 244.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Ч. I. Л. 199 об.

⁵⁰ Богатырев П.И. Московская старина // Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 121.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752. Л. 3 об.

⁵² Там же. Д. 772. Л. 5.

завтрашнего дня. И горожане в этом деле (как отмечалось статистиками неоднократно), естественно, были весьма «рачительны».

Сюда же нужно отнести и огородный промысел. Трудности с производительным сельским хозяйством диктовали жесткую специализацию деревни, собравшей все силы на хлебопашестве. Неудивительно, что разный «овощ» у посадских активно скупали «соседствующие» с городом крестьяне. Города, обладавшие необходимыми условиями, уверенно занимали место производителей огородной продукции. Причем продукции массовой, рассчитанной всегда на большой сбор и продажу не только на местном уездном рынке, но и на транспортировку в удаленные города и регионы. Тем более что основным элемент огородного промысла – капуста – выступал основой как продовольственной корзины, так и культуры питания огромной страны. Как видим, поговорка «щи да каша – пища наша» совсем не случайна.

В этом отношении понятно и слабое, точнее сказать подсобное, развитие скотоводства и тем более садоводства, требующих иных природно-климатических условий. Впрочем, есть и исключение – Серпухов и особенно Коломна. Последнюю отличали мощный рынок и активная торгово-хозяйственная деятельность. В результате ее жители не только устроили обширные сады, но и превратили их в общем-то непритязательную продукцию в ходовой товар в результате переработки.

Впрочем, в вопросе городского земледелия, и в первую очередь хлеборобства, наблюдалась и важная социальная (и при этом архаическая) составляющая. Несложно заметить, что особое «радение» к пашне выказывали в большей степени жители слобод, «прежних служб казаков, стрельцов и пушкарей». Защищая южные границы страны, пространные и открытые, они были воинами, которые получали за свой труд в качестве жалования не столько деньги, сколько земли и угодья, обеспечивающие их существование. Тем более на юге, где, несмотря на угрозу, черноземные пашни отличались гораздо большим плодородием, чем среднерусские суглинки или северо-западные болота. Естественно, что стрельцы, казаки и пушкарники поколениями держались за свое законно приобретенное имущество и «пользовались» его.

Вместе с тем и граница, и сословная система, породившая служилые слободы, которые не столько входили в посад города – полифункционального центра, сколько всего лишь примыкали к такому городу-«крепости», все более уходили в прошлое. Как уходил в прошлое и сам город-«замок». Данное обстоятельство и породило масштабные екатерининские реформы второй половины XVIII в., целью которых было собрать из имеющегося наследия «общество градское», соответствующее требованиям в буквальном смысле уже «Нового времени».

Развитие рынка в городах, пусть и не повсеместное, все же давало себя знать. Купцы не только сами упражнялись в земледелии, но нанимали новые участки пашни и людей для их обработки⁵³. Причем подобная форма данной предпринимательской деятельности была присуща и представителям иных сословий. В частности, упоминавшегося в источнике волоколамского протопопа, арендовавшего на территории городского выгона участок размером без малого в одну десятину для обработки его «наемными людьми на себя»⁵⁴.

Население ряда городов (в основном старые и развитые центры) – Коломны, Серпухова, Малоярославца – было активно занято в торговом промысле. Так, по отношению к деятельности купцов последнего статистики вообще не упоминали сельскохозяйственные занятия, но отмечали, что живут в нем «большой частью купцы», которые «имеют торги не в одном токмо своем, но и в других городах»⁵⁵. В Коломне на базарах активно торговали женщины, чего не было больше нигде и о чем не без удивления сообщали статистики. При описании Клина в примечаниях было отмечено полное отсутствие здесь пашни, несмотря на исключительное плодородие почв, которое именуют не иначе как «черноземом»⁵⁶.

⁵³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754. Л. 3.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Д. 454. Л. 68.

⁵⁶ Там же. Д. 764. Л. 3 об.

На имевшемся материале хорошо видно, что ремесленное производство не связано с городом. Точнее, оно ориентируется только на крупные городские рынки: в небольших центрах пребывает только по степени необходимости, а при крупных дает обильные ростки даже в окрестных селах, как это было, в частности, в Боровске. Находящееся вблизи него село Рождественна, населенное крестьянами, отличалось тем, что местные жители, находившиеся на «положенном оброке», «не столько упражняются в хлебопашестве, как в разных промыслах: в кузнечном, слесарном, резном, иконописном, женщины ткнут холст и сукна для домовых расходов и на продажу»⁵⁷.

«Граждане» (горожане) всегда старались пристраиваться к промыслу, но промысел этот был далеко не всегда производственный. Главным выступала его доступность, а также доходность. И часто это плодородная земля, которой в других местах не было. Поэтому почти везде, где есть сильная община и богатые почты, есть и пашня. Если город к тому времени ослабел, то местные жители искали пропитание вне его владений. В случае, когда поблизости проходил важный торговый путь, они были заняты в его обслуживании; если неподалеку залежали природные ископаемые – участвовали в их добыче и обработке («с обделкой камня на месте, также жгут известь, отвозят на продажу в Москву»⁵⁸). «Граждане» таких городов хватались за ту работу, которую им предоставляли обстоятельства места и времени: транспортировка, обслуживание транспортировки, отходничество, добыча и обработка природных ископаемых, мелкая «выменочная торговля» внутри уезда.

Так, тарусяне промышляли «хлебопашеством», «работой на фабриках», а также «ходили» на стругах и нанимались «в сидельцы и целовальники»⁵⁹. В пригородах уездных центрах жители шли на кирпичные заводы, искали работу в питейных домах «по найму»⁶⁰. Необходимо отметить, что развитие крупного мануфактурного производства в эти годы не выступало сколько-нибудь обязательной и заметной чертой хозяйства. Не было оно ни-суще и наиболее развитым губернским центрам, например Ярославлю, находившемуся на пространстве формирующегося Центрального промышленного региона и тесно связанного с Волгой – важнейшей речной артерией страны. Однако и его жителями (даже в начале XIX в.) мануфактура «воспринималась <...> как что-то чуждое, противное общегородской жизни»⁶¹.

Насколько такое положение дел можно считать слабостью и неразвитостью русского города как такового? Любое однозначное утверждение, базирующееся на сугубо теоретическом построении, оторвано от реальности. Рассматривать такое сложное и хронологически протяженное явление, как русский город (тем более город дореформенный, находящийся на стыке кардинально разных эпох и процессов), возможно только в рамках конкретно-исторического подхода с учетом реалий конкретного исторического времени и места. Данное обстоятельство нередко не берется в расчет или же просто опускается в крупномасштабных исследованиях академического профиля.

Литература

Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М.: Прогресс, 1967. 424 с.

Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. М.: ИРИ РАН, 2006. 416 с.

Герасимов М.В. Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 111–121. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454. Л. 121 об.

⁵⁸ Там же. Д. 779. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 454. Л. 172 об.

⁶⁰ Там же. Д. 456. Л. 1.

⁶¹ Обнорская Н.В. Эволюция предпринимательской деятельности ярославских купцов в сфере производства и сбыта тканей в конце XVIII – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 193. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

Ломако Е.Л. Русский провинциальный город Екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. Коломна: Лига, 2013. 398 с.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М.: МГУ, 1965. 312 с.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.

Обнорская Н.В. Эволюция предпринимательской деятельности ярославских купцов в сфере производства и сбыта тканей в конце XVIII – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 191–199. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

Раздорский А.И. Пятая международная научная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках» [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 240–243. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-23.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

Черненко Д.А., Хитров Д.А. Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в. [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 1–11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31587 (дата обращения: 01.02.2026).

References

Bozho-Garn'e, J., Shabo, G. (1967). *Ocherki po geografii gorodov* [Essays on The Geography of Cities]. Moscow, Progress. 424 p.

Chernenko, D.A., Hitrov, D.A. (2019). Svedeniya materialov General'nogo mezhevaniya o zhiloy gorodskoy zastroyke na Severe i Severo-Zapade Rossii v kontse XVIII v. [Information from the General Survey Materials about Residential Urban Development in the North and North-west of Russia at the End of the 18th Century]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 4, pp. 1–11. Available at: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31587 (date of access 01.02.2026).

Gerasimov, M.V. (2021). Gorodskaya ploshchad' kak ob'ekt ideologicheskoy transformatsii v postsovetskie gody: Sluchay Tomska [The City Square as an Object of Ideological Transformation in the Post-Soviet Years: The Case of Tomsk]. In *Istoricheskii kuryer*. No. 6 (20), pp. 111–121. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf> (date of access 01.02.2026).

Kornilov, A.A. (1993). *Kurs istorii Rossii XIX veka* [The Course of Russian History of the 19th Century]. Moscow, Vysshaya shkola. 446 p.

Lomako, E.L. (2013). *Russkiy provintsial'nyy gorod Ekaterininskoy epokhi: Kolomna vtoroy poloviny XVIII veka* [Russian Provincial City of The Catherine Era: Kolomna in The Second Half of The 18th Century]. Kolomna, Liga. 398 p.

Milov, L.V. (1965). *Issledovanie ob "Ekonomicheskikh primechaniyakh" k General'nomu mezhevaniyu (K istorii russkogo krest'yanstva i sel'skogo khozyaystva vtoroy poloviny XVIII v.)* [A Study on the "Economic Notes" to the General Land Survey (On the History of the Russian Peasantry and Agriculture in the Second Half of the 18th Century)]. Moscow, MGU. 312 p.

Milov, L.V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 573 p.

Mironov, B.N. (1990). *Russkiy gorod v 1740th–1860th gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [A Russian City in the 1740th and 1860th: Demographic, Social, and Economic Development]. Leningrad, Nauka. 272 p.

Obnorskaya, N.V. (2023). Evolyutsiya predprinimatelskoy deyatel'nosti yaroslavskikh kuptsov v sfere proizvodstva i sbyta tkaney v kontse XVIII – nachale XX veka [The Evolution of the Entrepreneurial Activity of Yaroslavl' merchants in the Field of Production and Sale of Fabrics in the Late 18th – Early 20th Century]. In *Istoricheskiy kuryer*. No. 5 (31). pp. 191–199. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf> (date of access 01.02.2026).

Razdorskiy, A.I. (2022). Pyataya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vekakh” [The Fifth International Scientific Conference “Trade, Merchants, and Customs in Russia from the 16th to the 20th Century”]. In *Istoricheskiy kuryer*. No. 5 (25), pp. 240–243. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-23.pdf> (date of access 01.02.2026).

Vodarskiy, Ya.E. (2006). *Issledovaniya po istorii russkogo goroda. Fakty, obobshcheniya, aspekty* [Research on The History of the Russian City. Facts, Descriptions, Aspects]. Moscow, IRI RAN. 416 p.